

№ 63 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Март, 2017

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

РОССИЯ, КИТАЙ И «БАЛАНС ЗАВИСИМОСТИ» В БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Гленн Дизен

Об авторе:

Гленн Дизен

*кандидат наук, внештатный научный сотрудник, Университет Западного Сиднея,
Австралия*

*Данный текст отражает личное мнение автора,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

Теория политического реализма гласит, что проекты региональной интеграции устойчивы лишь в том случае, когда соблюдается «баланс зависимости». Взаимовыгодное сотрудничество приводит к формированию баланса сил, который не позволит одной из сторон оспаривать существующий статус-кво. В век все более разрушительных вооружений и усиливающейся экономической взаимозависимости страны зачастую добиваются превосходства за счет асимметричной экономической зависимости¹. Асимметричная взаимозависимость – или нарушение «баланса зависимости» – дает возможность менее зависимому государству устанавливать благоприятные для себя экономические условия и получать политические уступки от партнера². Таким образом, государства усиливают свое влияние путем нарушения симметрии в экономической взаимозависимости с партнерами. Государство может уменьшить зависимость от партнера диверсифицировав систему своих союзов или усилив контроль над стратегическими рынками.

Многовековое геоэкономическое доминирование западных государств является результатом установления асимметричной взаимозависимости с другими странами мира. Это произошло за счет наращивания контроля Запада над стратегическими рынками, транспортными коридорами и финансовыми институтами. После распада Монгольской империи исчезли транспортные коридоры древнего Шелкового пути, стимулировавшие торговлю и экономический рост. С начала XVI века главенствующую роль в международных отношениях стали играть западные морские державы путем установления контроля над основными морскими транспортными коридорами и формирования «торговых империй». Ведущие морские державы, такие как Великобритания, исторически поддерживали принципы свободной торговли, поскольку за счет контроля над торговыми путями их выгоды заметно превосходили издержки³. На этом стратегическом мышлении основывалась стратегия господства на морях, разработанная Альфредом Мэхэном в конце XIX века. В свою очередь это мышление послужило фундаментом для постепенного становления США в качестве военно-морской державы, которая обеспечивала свою безопасность и экономическое могущество за счет контроля над океанами и окраинами евразийского континента⁴. После Второй мировой войны США стали лидирующей геоэкономической державой в мире. Свое лидерство Вашингтон обеспечил созданием системы бреттонвудских институтов и контролем над стратегическими рынками, ресурсами и транспортными коридорами. Главным соперником США стал Советский Союз – коммунистическое государство, отгородившееся от мирового рынка и по этой причине неподвластное экономическому диктату Америки.

После краха коммунизма перед Россией вновь встали вопросы экономической интеграции и модернизации. С одной стороны, потребности экономического развития и процветания диктовали необходимость интеграции с Западом – экономическим стержнем системы международных отношений. С другой стороны, включение в западные экономические структуры и систему ценностей западных государств

¹ Huntington S.P. *Why international primacy matters // International security*. 1993. Vol. 17. No. 4. P. 68–83. P. 72.

² Hirschman A. *National power and the structure of foreign trade*. University of California Press, Berkeley. 1945.

³ List F. *The National System of Political Economy*. Longmans, Green, and Company. London. 1885.

⁴ Mahan A.T. *The influence of sea power upon history, 1660–1783*. Read Books, Boston. 2013.

оказалось нежизнеспособной альтернативой – асимметрия экономического баланса сил снижала российское влияние и самостоятельность. Планы Москвы по созданию общего политического, экономического и оборонного пространства в Европе – «Общего европейского дома» – показывают, в каком затруднительном положении она оказалась. После окончания холодной войны Запад поддерживал лишь те европейские организации, которые могли бы в перспективе увеличить его коллективную переговорную силу с тем, чтобы экономическая интеграция не привела к наращиванию российского политического капитала.

Единственное жизнеспособное решение этой дилеммы для России – становление в качестве евразийской державы, формирующей Большую Евразию, и диверсификация своих связей во избежание чрезмерной зависимости от Запада. Параллельно с этим России необходимо наращивать влияние на конкурентных стратегических рынках, усиливать позиции в производственных цепочках, в транспортных коридорах и международных финансовых организациях. Для формирования Большой Евразии России необходимо стратегическое партнерство с Китаем. Вместе с тем, Москве нужно вынести правильные уроки из неудачного опыта создания Большой Европы, чтобы не допустить повторения тех же ошибок в отношениях с экономически более сильным Китаем. Зарождающееся стратегическое партнерство Москвы и Пекина в определенной степени парадоксально, поскольку устойчивость проекта «Большой Евразии» требует, чтобы Москва могла создать жизнеспособный противовес Китаю. В обратном случае, возникающая асимметричная взаимозависимость создаст для Китая соблазн потребовать политических уступок. В долгосрочной перспективе это сделает подобное партнерство невыгодным для России. Для создания жизнеспособной системы Большой Евразии необходимо «мягкое» уравнивание Китая, которое подразумевает создание балансира и недопущение возникновения игр с нулевой суммой, которые положили конец проекту «Большой Европы».

Уроки неудачного опыта создания «Большой Европы»

Амбициозный проект региональной интеграции Москвы под названием «Большая Европа» потерпел неудачу вследствие неспособности создать противовес зависимости внутри Европы. Инициатива Москвы по созданию Большой Европы была нацелена на пропорциональное представительство за европейским столом – это позволило бы России извлекать преимущества в силу масштаба своей территории. Однако российский проект напрямую противоречил инициативе ЕС по созданию «Расширенной Европы», а также соответствующим планам НАТО, которые подразумевали сотрудничество с Россией в рамках формата 28+1. Это позволяло Западу максимально использовать свою коллективную переговорную силу. Возникшие впоследствии асимметричные партнерства подавались как многосторонние форматы, однако фактически воплощали принцип односторонности и были нацелены на создание системы взаимозависимости, позволя-

ющей Западу наращивать свое влияние. Со временем развивается концепция «сотрудничества» в рамках формата учитель-ученик и ведущий-ведомый, где Россию вынуждают согласиться на односторонние уступки. На фоне попыток ЕС и НАТО наращивать свою коллективную переговорную силу путем расширения сферы влияния на восток новый статус-кво в отношениях с Россией не мог быть установлен. Впоследствии «европейская интеграция» превратилась в геостратегический проект с «нулевой суммой», где концепция географического соседства по сути подразумевала «цивилизационный выбор».

Российский проект «Большая Европа» был изначально противоречив и обречен на провал. Политика исключительной приверженности идеалу единой Европы при игнорировании партнеров в Азии лишила Россию переговорной силы, необходимой при согласовании более благоприятного формата взаимодействия с Европой. Бжезинский отмечал, что Запад был «единственным выбором России, пусть и тактическим, и это предоставило ему стратегические возможности и создало предпосылки для поэтапной геополитической экспансии западного сообщества вглубь евразийского континента»⁵. Б.Н. Ельцин де-факто согласился в конце 1990-х годов с тем, что Запад использовал одновекторную западно-центричную политику России в своих интересах, при этом Москва не получала ничего взамен. Разочаровавшись в Западе, он призвал диверсифицировать направления сотрудничества и превратить Россию в евразийскую державу. Однако евразийские амбиции обернулись повторением геополитического опыта прошлого и не привели к пересмотру концепции евразийства с позиций геоэкономики.

В.В. Путин, придя к власти, начал активно использовать экономические инструменты государственного управления как основу для восстановления мощи и влияния России. Возвращение под государственный контроль энергетических ресурсов стало гарантией того, что стратегические отрасли промышленности России будут работать на благо государства, а не олигархов, использовавших их для контроля над правительством и пользовавшихся все большим покровительством со стороны Запада. План Путина заключался в том, чтобы превратить Россию в энергетическую сверхдержаву, что дало бы Москве рычаги влияния на переговорах о реализации проекта «Большой Европы». В Энергетической стратегии России до 2030 года подчеркивается цель использования энергетических ресурсов страны для обеспечения своих интересов и возрождения влияния в Европе и в международных отношениях в целом⁶. Вместе с тем, непропорциональная экономическая зависимость от связей с европейскими государствами не давала отойти от устоявшегося курса и отказаться от идеи Большой Европы.

Зависимость от России в энергетической сфере встречала последовательное и энергичное сопротивление в Европе, что мешало формированию прочного фундамента для реализации проекта единой Европы. В то время как ЕС все больше зависел от России как поставщика энергоресурсов, Россия не меньше, если не больше, зависела от ЕС как потребителя энергоресурсов. Эта симметрия взаимозависимых отношений означала, что Россия не сможет добиться существенных политических уступок. Поскольку Запад

⁵ Brzezinski Z. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. Basic Books, New York. 2009. P. 102.

⁶ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Министерство энергетики Российской Федерации. 13.11.2009. URL: <http://minenergo.gov.ru/node/1026>

оставался единственным выбором России, в Европе все больше утверждались структуры сотрудничества с «нулевой суммой». При этом снижавшееся влияние России на транзитные страны рассматривалось как способ сокращения российского влияния на континенте. Европейская политика Восточного партнерства и Соглашения об ассоциированном членстве стали отражением стремления ЕС в одностороннем порядке вовлечь «общих соседей» в эксклюзивные договоренности. Проект «Большой Европы» провалился, когда Запад поддержал переворот в Киеве, воспользовавшись недовольством граждан Украины уровнем внутренней коррупции с целью втянуть Украину в евроатлантическую орбиту. В то же время попытки ослабить российскую экономику санкциями не распространялись на энергетику, поскольку Запад понимал симметрию в энергетической взаимозависимости между потребителем и поставщиком.

Выходом из сложившегося тупика для России может стать развитие сотрудничества с азиатскими странами. Россия постепенно улучшала экономические связи с возвышающимися державами Востока на протяжении 2000-х годов, однако западно-центричная внешняя политика во многом сдерживала необходимый импульс для новых ориентиров. Китай и Иран опасались амбиций России по поводу создания Большой Европы, что превратило их в перспективные козыри Москвы для торга с Западом.

Как справедливо отмечает С.А. Караганов, развитие связей с азиатскими возвышающимися державами считалось унизительным и наносящим ущерб геэкономическому потенциалу России из-за «иллюзий о возможности плавной интеграции с Западом⁷». Бывший министр иностранных дел России Игорь Иванов, ранее активно продвигавший идею Большой Европы, признает, что эту ошибочную инициативу следует заменить более жизнеспособным и реализуемым для России проектом «Большой Евразии»⁸.

Концепция «Большой Евразии»: Россия как преемница Монгольской империи

Евразийский континент представляет собой парадоксальное явление: на его долю приходится большая часть мирового населения, полезных ископаемых и ВВП, при этом здесь практически не развиты экономические связи, слабая материальная инфраструктура

⁷ Караганов С. *Евроазиатский выход из европейского кризиса // Россия в глобальной политике*. 19.06.2015. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Evroaziatskii-vykhod-iz-evropeiskogo-krizisa-17541>.

⁸ Иванов И. *Закат Большой Европы // Выступление на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность», 12 сентября 2015 г., Юрмала, Латвия*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6564#top-content.

ра и механизмы сотрудничества. Управление морских держав евразийским континентом с его периферии на протяжении пяти веков поставило Россию в уязвимое положение, поскольку она оказалась одновременно на окраине Европы и Восточной Азии. Геоэкономическая слабость России – следствие неспособности извлекать выгоду из своих огромных просторов путем развития экономических связей со странами в самом сердце Евразии. Россия могла бы сместить в свою пользу симметрию взаимозависимости, став преемницей Монгольской империи и связав между собой страны огромного евразийского континента. Россия могла бы снизить зависимость от любого государства или региона, тогда как зависимость ее партнеров от нее самой увеличилась бы в силу их потребности в транспортном коридоре.

Историческое британско-российское соперничество за доминирование в мире, по большому счету, сводилось к конкуренции за получение конкурентных преимуществ управления Евразией – из центра в качестве сухопутной державы или с периферии в качестве морской державы. Соперничество еще больше усилилось к середине XIX века, когда Великобритания нанесла поражение Китаю в ходе Опиумных войн и установила свое привилегированное военно-экономическое присутствие вдоль восточного побережья Евразии. Воспользовавшись слабостью Китая, Россия присвоила более 1,5 миллионов квадратных километров китайской территории вдоль тихоокеанского побережья по итогам так называемых «неравных договоров». Быстрая территориальная экспансия России на восток породила опасения Великобритании о том, что Москва может стать преемницей Монгольской империи и обратить вспять военно-экономические преимущества морских держав. Х. Маккиндер отмечал, что преимущества морской державы временны, так как появляются новые технологии сухопутного транспорта:

Похоже, что паровой двигатель и Суэцкий канал увеличили мобильность морской державы относительно сухопутной державы. Железные дороги, в основном, обслуживали торговлю, идущую по морям и океанам. Однако сегодня трансконтинентальные железные дороги меняют условия игры для сухопутной державы, и нигде они не могут быть более действенными, чем в замкнутом пространстве Евразии⁹.

Предсказания Макиндера не исполнились, поскольку российская геоэкономика пришла в запустение в эпоху коммунизма и разделений «холодной войны». Государственное управление в экономике фактически отсутствовало при советской власти, а военный и идеологический раскол препятствовал развитию экономических связей в Евразии.

Мир серьезно изменился после краха коммунистической идеологии. Это дало России еще одну возможность наладить экономические связи в Евразии. Геоэкономика больше не является прерогативой Запада, поскольку перераспределение силы в мире и подъем Азии создает условия для построения альтернативных транспортных коридоров и механизмов сотрудничества. В последние годы большинство крупных экономик в Евразии выступили с разными интеграционными инициативами. В этой связи, новая

⁹ Mackinder H.J. *The Geographical Pivot of History* // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 170. No. 4. P. 421–444. P. 434.

российская концепция евразийства должна отмежеваться от прежних представлений, связанных с отсталой милитаризованной геополитикой и имперским перенапряжением сил. Новая геоэкономическая концепция евразийства должна быть нацелена на осуществление избирательной евразийской интеграции, чтобы сделать Россию главной движущей силой модернизации и глобализации. Главное отличие пересмотренной концепции евразийства должно заключаться в признании того, что у России нет ни возможностей, ни намерения господствовать на евразийском континенте. Создание жизнеспособных партнерств с евразийскими державами критически важно для реализации проекта сбалансированной и функциональной Большой Евразии.

Китай как незаменимый партнер России в Большой Евразии

Китай представляется главным партнером России в формировании Большой Евразии в силу его потенциала и готовности оспаривать систему международных отношений, во главе которой стоят США. Стратегическое партнерство между Китаем и Россией необходимо для любого формата Большой Евразии, так как этот тандем включает крупнейшего в мире производителя энергоносителей и крупнейшего их потребителя, лидера мировой торговли и континентальную державу, способную выступать в качестве связующего моста между разными частями континента. В последние годы Китай и Россия стали главными противниками однополярного мира, наращивая свои золотовалютные резервы, внедряя использование региональных валют и создавая новые финансовые и экономические институты, такие как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕЭС).

Экономическое чудо Китая дает России возможность сделать проект «Большой Евразии» жизнеспособной геоэкономической инициативой. Поражение Китая в Опиумных войнах в середине XIX века помешало Китаю стать могущественной мировой экономической державой и ознаменовало начало «века унижения». Первоначально реализация стратегии внутриэкономического развития, начавшаяся в 1970-х годах, проходила под прикрытием «мирного подъема», чтобы не вызывать ни у кого негативной реакции. Эта стратегия сменилась открытым вызовом мировому порядку под руководством США после запуска в 2013 году проекта «Шелкового пути», известного также как инициатива «Один пояс, один путь». Амбиции Китая по возрождению древнего Шелкового пути посредством развития сухопутной инфраструктуры и морских транспортных путей должны финансироваться финансовыми организациями во главе с Китаем, при этом расчеты должны происходить в юане, который получает все большее признание в мире. После поддержанного Западом переворота на Украине и последовавших взаимных санкций экономическая интеграция Китая с Россией усилилась. Первоначально было объявлено о проекте строительства трубопровода «Сила Сибири» стоимостью 400 миллиардов долларов,

а также о совместных проектах по созданию транспортной инфраструктуры, причем их финансирование предполагалось проводить в местных валютах. Были также разработаны новые механизмы сотрудничества путем создания совместных международных институтов, финансовых учреждений, платежных систем, рейтинговых агентств и валютных свопов.

Однако новая российская политика переориентации на Азию вновь начала происходить в ущерб региональному балансу зависимости: на смену Европе в одновекторной внешней политике России пришел Китай, на которого была сделана слишком большая ставка. Асимметричное экономическое могущество России и Китая в прошлом смягчалось диверсификацией связей. Отмена проекта строительства трубопровода Ангарск-Дацин в пользу Восточного трубопровода (ВСТО) наглядно продемонстрировала попытки Москвы поддержать региональный баланс зависимости. Министр иностранных дел России Сергей Лавров определил роль России в Азии как важного стабилизирующего фактора для создания «подлинно стабильного равновесия сил»¹⁰. Излишняя зависимость от Китая может подрвать нейтралитет России в отношении противоречий КНР с Японией, что отрицательно скажется на российско-японских связях и еще больше усугубит ее зависимость от Пекина. Растущее влияние Китая в Средней Азии и на российском Дальнем Востоке также вызывает озабоченность в Москве. Другими словами, простой перенос однобокой политики в Европе на отношения с Китаем может привести Россию к очередному невыносимому и неустойчивому асимметричному партнерству. Россия может согласиться с экономическим лидерством Китая как с неизбежной реальностью, но ей следует не допустить доминирование Китая.

Евразийский баланс зависимости

Для создания устойчивого стратегического партнерства с Китаем необходима стратегия «мягкого» балансирования и налаживание двусторонних выгодных экономических связей. Простое воспроизведение жесткой балансировки и структур с «нулевой суммой», как это случилось в Европе, приведет проект создания Большой Евразии к тому же провалу, который постиг проект «Большой Европы». Мягкое балансирование подразумевает признание геоэкономического лидерства Китая при недопущении китайской гегемонии. Эти условия могут быть реализованы посредством: 1) диверсификации партнерства, что поможет обеспечить выгоды от этого партнерства его участникам за счет эффекта масштаба; 2) развития эксклюзивных институтов для получения

¹⁰ Лавров С.В. К миру, стабильности и устойчивому экономическому развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 05.10.2013. URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/93642?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU.

коллективных переговорных преимуществ по отношению к Китаю, которые также будут выгодны и Пекину; и 3) создания многосторонних организаций при участии Китая, которые также будут включать и другие крупные державы, что будет способствовать поддержанию внутреннего баланса сил.

Во-первых, диверсификация партнерств в северо-восточной Азии необходима России, поскольку модернизация российского Дальнего Востока позволит максимизировать эффект масштаба. Сеул и Токио больше других заинтересованы в том, чтобы участвовать в энергетических и транспортных проектах России в регионе, которые будут дешевле в качестве ответвлений к более масштабным проектам создания материальной инфраструктуры и экономических связей между Россией и Китаем. Китай не только не препятствует реализации планов России по развитию Дальнего Востока, но и стал крупным спонсором и участником инфраструктурных проектов российского тихоокеанского побережья. «Неравные договоры» середины XIX века лишили две северо-восточные провинции Китая Хэйлуцзян и Цзилинь выхода к морю, и Пекин видит в модернизации российских тихоокеанских портов и установлении с ними связей возможность улучшить экономическую конкурентоспособность своих провинций. Параллельно с этим наращиваются экономические связи России с Южной Кореей и Японией. На Восточном экономическом форуме, прошедшем в сентябре 2016 года во Владивостоке, было подписано несколько экономических соглашений с Сеулом. Сотрудничеству способствует тот факт, что собственная концепция Южной Кореи в отношении Евразийской интеграции пересекается с планами России, и корейское предложение подписать Соглашение о свободной торговле (ССТ) с Евразийским экономическим союзом (ЕЭС) служит позитивным сигналом. Кроме того, в декабре 2016 года было подписано соглашение с Японией о совместном экономическом развитии Южных Курильских островов.

Во-вторых, ЕЭС является важным инструментом России для укрепления коллективных переговорных позиций и восстановления симметрии в отношениях как с Китаем, так и с ЕС. Институционализация привилегированного положения России в Средней Азии с целью уравнивания экономического могущества Китая является необходимой для установления равновесия в этом регионе. Поддержки Китая, не являющегося членом ЕЭС, по этому вопросу можно добиться путем предложения материальных выгод взамен на те, которые доступны участникам Союза. Общая таможенная зона, стандарты и законодательство внутри ЕЭС упрощают доступ к региону и его рынку, а главное – увеличивают привлекательность данного региона для транзита, поскольку имеется лишь одна таможенная зона между Китаем и ЕС.

В-третьих, совместные с Китаем организации и договоры должны быть многосторонними и включать другие крупные державы для обеспечения внутреннего баланса сил и недопущения доминирования КНР. Часто упускается из виду тот факт, что региональные организации и соглашения о коллективной переговорной позиции с третьими странами требуют достижения внутреннего баланса сил. Чтобы избежать провала, следует принять во внимание ошибки опыта западных стран в этой связи. Так, создание ЕС позволило европейским государствам обеспечить коллективную переговорную в отношениях с США и другими странами. В свою очередь Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) было аналогичным ответом на более конкурентное положение

ЕС и Японии¹¹. Однако экономические различия между странами, входящими в эти организации, в конечном итоге, привели к их постепенной деградации. Евро для Германии стала обесцененной валютой, которая со временем превратилась в средство обеспечения ее экспортно-ориентированной стратегии развития. Следствием такой политики стало лишение Средиземноморского региона его производственного потенциала. По мере нарушения внутреннего баланса сил внутри ЕС, более слабые страны-члены Союза будут все решительнее и яростнее проявлять недовольство по поводу доминирования Германии в Европе. В рамках НАФТА колоссальная разница в стоимости рабочей силы привела к перемещению производственных мощностей в Мексику, что вызвало возмущение американцев, вылившееся в результате в поддержку призывов Д. Трампа к выходу из этого торгового соглашения.

В свою очередь, Китай стал главной движущей силой в деле возрождения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в качестве крупного международного игрока. Расширенная ШОС могла бы стать «важнейшей структурой возникающего многополярного мира, своеобразной платформой, объединяющей евразийскую альтернативу Западной Европе»¹². Одно из важнейших предложений заключалось в создании объединенного Банка развития ШОС как альтернативы МВФ и Всемирному Банку для финансирования совместных инфраструктурных проектов по налаживанию взаимосвязей в регионе. Россия проявила осторожность и отложила принятие решения, поскольку смена профиля организации от военной безопасности к экономическому сотрудничеству может привести к вынужденной передаче мантии лидерства Китаю. Контрпредложение Москвы состояло в создании Банка развития ШОС на основе Евразийского банка развития (ЕБР), в котором доминируют Россия и Казахстан. Однако обструкция Китая по этому вопросу лишила Россию места за столом могущественной геоэкономической организации, действующей на основе четких правил. Взамен Китай начал активно наращивать асимметричные рычаги влияния, установив свое присутствие в регионе при помощи отдельных специальных двусторонних соглашений о сотрудничестве. Кроме того, на смену многостороннего ШОС пришла односторонняя инициатива Китая по созданию Шелкового пути, а Банк развития ШОС был заменен Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

России оставалось либо считаться с растущей мощью Китая в многосторонних организациях с целью гармонизации интересов, либо сопротивляться изменению международного баланса сил, что неизбежно приведет к конфронтации с «нулевой суммой», в которой Россия вряд ли одержит верх. Однако Москва нашла третий путь, начав привлекать в многостороннюю организацию другие крупные державы, что позволит ограничить китайскую гегемонию, не бросая при этом вызова китайскому экономическому лидерству. Решение расширить ШОС за счет включения Индии и Пакистана, а в будущем, возможно, и Ирана, снижает обеспокоенность России по поводу угрозы с китайской стороны, поскольку в этом случае влияние и могущество Китая

¹¹ Hurrell A. *Explaining the resurgence of regionalism in world politics* // *Review of international Studies*. 1995. Vol. 21. No. 4. P. 331–358. P. 341.

¹² Лукин А.В. *Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли* // *Россия в глобальной политике*. 09.07.15. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Shankhaiskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-poiskakh-novoi-rol-i-17573>.

в ШОС пропорционально уменьшается, и восстанавливается баланс сил. Данная модель основана на том же принципе, что и Банк развития БРИКС, который представляет объединение сравнительно сильных игроков во главе с Китаем. Подписанное в 2015 году соглашение о гармонизации ЕЭС и Шелкового пути в рамках ШОС стало примером геоэкономического балансирования, необходимого для обеспечения жизнеспособности проекта «Большой Евразии». Последующая организация Россией одновременной встречи стран-участниц ЕЭС, ШОС и БРИКС в Уфе также стала проявлением начала становления сложной, многосторонней и сбалансированной «Большой Евразии».

В этой связи важно, чтобы перезагрузка отношений или примирение России с Западом не противоречило долгосрочной стратегии создания сбалансированной Большой Евразии. Любая большая сделка с администрацией Трампа должна исключать условие, которого скорее всего будет добиваться Вашингтон – а именно: размежевание России с Китаем и переход к политике жесткого балансирования. Проект создания Большой Евразии должен восприниматься как единственный жизнеспособный геоэкономический проект для России, в котором Китай выступает в качестве незаменимого партнера. В то же время экономическое сотрудничество с Западом должно помочь России в ее стремлении диверсифицировать свои международные связи и уменьшить ее исключительную зависимость от какого-то одного региона, одновременно увеличивая ее влияние в качестве транспортного коридора и надежного поставщика энергоносителей. При этом любая политика, подразумевающая жесткое балансирование Китая, станет повторением ошибок «игр с нулевой суммой», ставших основой провалившегося проекта «Большой Европы».

* Данная статья является отрывком из будущей книги Гленна Дизена «Геоэкономическая стратегия России в отношении Большой Евразии» (Рутледж, 2017).

#Valdaiclub

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ